

Модели обезличенного управления коммерческими корпорациями: правовые аспекты*

В. А. Лаптев

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
Институт государства и права РАН,
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, 10

Для цитирования: Лаптев, Василий А. 2022. «Модели обезличенного управления коммерческими корпорациями: правовые аспекты». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 378–395. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.206>

Традиционные модели управления коммерческими корпорациями предполагают распределение уставного капитала между конкретными членами корпорации, что позволяет установить систему корпоративного контроля, объем прав каждого члена корпорации, а также рассматривать коммерческие корпорации в целом как объединение капитала и/или объединение лиц. В статье исследуются модели управления корпорацией, при которых член корпорации формально неизвестен или вовсе отсутствует. Работа не ограничивается правовой оценкой бенефициарного владения корпорацией, также дается правовая оценка возможных моделей корпоративного управления, не позволяющих как юридически, так и фактически подлинно установить собственника бизнеса. Выделяются основания классификации моделей так называемого обезличенного управления корпорацией. Приводится современная отечественная корпоративная и судебная практика по вопросу использования модели обезличенного управления корпорацией. Изучается возможность выявления умышленного использования рассматриваемой модели управления при формировании высшего органа корпорации, а также злоупотребления корпоративными правами в отношении прав и законных интересов других участников корпорации и третьих лиц (например, кредиторов или государственных органов). Выявлена вариативность модели обезличенного управления коммерческими корпорациями; определены правовые последствия применения данной модели; предложены пути решения вопроса о привлечении обязанных лиц к ответственности. Предлагаются механизмы обнаружения обезличенного управления корпорацией, в том числе посредством применения цифровых технологий. Анализируются критерии, определяющие недобросовестное использование данной модели управления. Сформулированы новые подходы к выявлению судами модели обезличенного управления корпорациями и к пресечению их использования.

Ключевые слова: управление корпорацией, модели корпоративного управления, модели обезличенного управления, бенефициарный собственник, собственник бизнеса, корпоративная ответственность, искусственный интеллект, юристы будущего.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16079 «Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

1. Введение

Корпоративная практика свидетельствует о применении всевозможных моделей управления коммерческими корпорациями. С переходом к рыночной экономике в разные годы отечественные праведы периодически осуществляли пересмотр эффективности существующих моделей корпоративного управления. Поводом для такой переоценки выступали изменчивое корпоративное законодательство, уровень инвестиционной активности и делового климата в стране (рейтинг стран Doing Business), трансформация регуляторной функции Банка России, компетенции государственных фискальных и контролирующих органов, а также судебная практика Верховного Суда РФ и окружных арбитражных судов.

В юридической литературе приводится оценка правовых аспектов различных моделей корпоративного управления бизнесом, в очередной раз подчеркивающая практическое значение и роль права для смешанной экономики России в регулировании реально складывающихся общественных отношений. Так, исследуются вопросы корпоративного управления в компаниях с государственным участием (Губин 2018), раскрывается стейкхолдерская концепция управления юридическим лицом (Ефимов 2019), подробно рассматриваются вопросы управления холдингами (Шиткина 2008). В работах, посвященных корпоративному управлению юридическим лицом, отмечается дуализм права, а также анализируются вопросы корпоративного управления производственными кооперативами (Харитоновна 2014; Харитоновна 2015). Также доктринально раскрывается понятие «модель корпоративного управления» (Коваленко 2015) и т. д.

Рассмотрение правоведами моделей корпоративного управления не должно ограничиваться правовой оценкой структуры (двух- и трехзвенной) и компетенции органов корпорации. Следует учитывать доктринальные управленческие характеристики корпоративной структуры применительно ко всей правовой организации корпоративной системы (Лаптев 2019, 72–108).

За последние годы в российском законодательстве и судебной практике изменились подходы к теории «ограниченной ответственности» членов коммерческих корпораций и конечных бенефициаров (собственников) бизнеса. В частности, действие доктрины «снятия корпоративной вуали» и механизмы привлечения к ответственности контролирующих корпорацию лиц наглядно иллюстрируются в судебной практике по корпоративным спорам (ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ¹ (ГК РФ)) и по делам о банкротстве в результате принятия Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (гл. III.2) и разъяснений Верховного Суда РФ в Постановлении Пленума от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

В корпоративной практике стал актуальным вопрос корпоративного комплаенса (управление корпоративными рисками), обеспечения юридической независимости и гарантий правовой защиты конечных собственников коммерческих корпораций.

¹ Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «Консультант Плюс». Дата обращения 5 октября, 2020. <http://www.consultant.ru>.

Прежде чем перейти к раскрытию рассматриваемой проблематики, необходимо определиться с толкованием термина «управление» применительно к коммерческим корпорациям. С экономической точки зрения управление — это процесс планирования, организации и контроля за производственно-хозяйственной деятельностью и внутренними отношениями в коммерческой корпорации. Иными словами, это контроль над собственностью — контроль над бизнесом.

Можно согласиться с определением понятия «корпоративное управление» как системы взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами. Корпоративное управление является основой для определения целей общества, определения средств достижения этих целей и механизмов контроля за его деятельностью со стороны акционеров и других заинтересованных лиц (п. 1 Методических рекомендаций по организации работы Совета директоров в акционерном обществе, утв. Приказом Росимущества от 21.11.2013 № 357).

Множество анализируемых ниже разновидностей модели так называемого обезличенного управления коммерческими корпорациями имеют ограниченный срок использования (период работы модели), поскольку по окончании периода работы одной модели возвращается изначально существующая система распределения корпоративного контроля (владения уставным капиталом) либо производится замена на иное контролируемое лицо, иначе могут наступить юридически значимые последствия, исключающие возможность возврата в прежнее состояние работы системы корпоративного управления.

Целью модели обезличенного управления коммерческими корпорациями выступает сокрытие реального владельца компании, именуемого собственником, бенефициаром или членом корпорации, в том числе для исключения риска привлечения его к юридической ответственности, возникновение которой связано с производственно-хозяйственной деятельностью коммерческой корпорации. Разумеется, существуют положения законодательства, позволяющие привлечь к юридической ответственности любое лицо, выступающее от имени корпорации, в том числе имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица (ст. 53.1 ГК РФ и п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53). Вместе с тем вопрос о привлечении данного лица к юридической ответственности — формальный, требующий кропотливого доказывания в установленном законом порядке, включая причинно-следственную связь между поведением данного лица и юридическими последствиями. На практике указанные обстоятельства доказываются достаточно трудно.

В корпоративной практике для достижения цели создания модели обезличенного управления решаются следующие задачи:

- разрабатываются и утверждаются локальные акты корпорации, наделяющие правом выхода из состава участников общества, а также положения, не позволяющие четко разграничить компетенции между органами корпорации и т. д.;
- совершаются юридические и фактические действия, направленные на исключение сведений из реестров о реальном владельце корпорации (из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), списка участников общества, реестра акционеров и т. д.);

- заключаются корпоративные договоры между членами корпорации и иные аналогичные договоры с третьими лицами (кредиторами), позволяющие опосредованно управлять корпорацией (в том числе перераспределять систему корпоративного управления между членами корпорации);
- назначается лояльный менеджмент (например, единоличный исполнительный орган либо управляющая компания) и т. д.

Далее рассмотрим отдельные виды модели обезличенного управления коммерческими корпорациями, в частности: управление корпорацией при выходе участника, при исключении участника, после приобретения ею собственных акций, управление корпорацией залогодержателем корпоративных прав, управление с исключенным из ЕГРЮЛ единственным участником, а также управление такой корпорацией, в составе которой имеются участники с записью о недостоверности сведений о них.

2. Основное исследование

2.1. Модели обезличенного управления

Предлагаемые ниже наименования конкретных видов модели управления отражают экономико-правовые характеристики этих видов. Использование комплексного подхода подчеркивает, что правовые явления тесно связаны с их экономической составляющей. Точнее, обезличенное управление корпорацией всегда выступает косвенным либо опосредованным управлением, в котором отсутствует прямая юридическая связь между лицом, осуществляющим (формально) текущее руководство деятельностью общества, и лицом, принимающим (фактически) управленческие решения (определяющим поведение и общую экономическую политику корпорации, а также стратегию бизнеса).

Установление юридических оснований для признания фактически сложившейся модели обезличенного управления коммерческой корпорацией — сложная задача для практикующих юристов и арбитражного суда с учетом предмета доказывания и оценки фактических обстоятельства дела, что будет показано далее.

2.1.1. Управление корпорацией при выходе участника

Конституционное право на объединение, в том числе в форме коммерческих корпораций, корреспондирует с правом на выход из состава гражданско-правового сообщества. В ряде корпораций право на выход является безусловным, например, в полных товариществах, в которых даже соглашение между участниками товарищества об отказе от права выйти из товарищества ничтожно (п. 2 ст. 77 ГК РФ).

В обществах с ограниченной ответственностью в силу ст. 94 ГК РФ и ст. 26 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) реализация права на выход возможна в двух случаях: при подаче заявления о выходе из общества, если такая возможность предусмотрена уставом общества; при предъявлении к обществу требования о приобретении обществом доли, когда имеется запрет отчуждения доли третьему лицу и ког-

да другие участники общества отказались от их приобретения либо не получено согласие на отчуждение доли или части доли участнику общества или третьему лицу при условии, что необходимость получить такое согласие предусмотрено уставом общества. Сначала рассмотрим первый вариант с выходом участника.

На практике встречаются случаи технического выхода из состава общества: участник совершает формальный выход для его видимости без цели окончательно прекращения корпоративной связи с обществом. Составляется нотариальное заявление о выходе из состава общества в порядке ст. 26 Закона об ООО (совершается односторонняя сделка — по прекращению членства); до принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обществах с ограниченной ответственностью” в части совершенствования процедуры внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о выходе участника общества с ограниченной ответственностью из общества» (далее — Закон № 252-ФЗ) данное заявление направлялось в общество, а по новым правилам оно передается нотариусом обществу после его удостоверения (п. 1.1 ст. 26 Закона об ООО). Разумеется, данное действие совершается только при условии, если право на выход закреплено в уставе общества (п. 1 ст. 26 Закона об ООО).

Закон определяет конкретную дату перехода к обществу доли в уставном капитале вышедшего участника:

- дата получения обществом заявления о выходе (до 11.08.2020, т. е. до вступления в силу Закона № 252-ФЗ, по прежней редакции Закона об ООО (подп. 2 п. 7 ст. 23));
- дата внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ в связи с выходом участника из общества (не являющегося кредитной организацией) или получения обществом заявления о выходе из общества (являющегося кредитной организацией) (с 11.08.2020, т. е. после вступления в силу Закона № 252-ФЗ по действующей редакции Закона об ООО (подп. 2 и 2.1 п. 7 ст. 23)).

С этого момента на казначейский счет общества переходит доля вышедшего участника, даже если сведения о таком переходе не внесены в ЕГРЮЛ, что часто использовалось в корпоративной практике, особенно до принятия Закона № 252-ФЗ. При этом вышедший участник не требует выплаты ему действительной стоимости доли в уставном капитале.

Несмотря на очевидные правовые последствия (в виде перехода к обществу права на долю в уставном капитале), данная сделка может умышленно содержать пороки, в том числе специально заложенные при ее совершении и позволяющие при определенных обстоятельствах признать ее недействительной, такие как:

- порок формы совершенной сделки (отсутствие нотариального удостоверения);
- направление в общество светоконии заявления о выходе (без предоставления оригинала);
- направление заявления о выходе не по адресу регистрации общества (например, по адресу ранее занимавшего офиса в бизнес-центре, о чем известно заявителю-участнику);
- сговор с нотариусом, направляющим обществу заявление участника о выходе по новым правилам после его удостоверения и т. д.

Поведение участника также может свидетельствовать о последующем отказе от сделки по выходу в случаях участия вышедшего участника в общем собрании и голосовании по вопросам повестки дня или обжалования заявления о выходе из общества по основаниям недействительности сделки.

Правовым обоснованием такого возможного поведения участника служат положения ГК РФ, согласно которым отказ от сделки (односторонней сделки о выходе из общества) возможен. Встречаются даже случаи, когда в силу ГК РФ (ст. 450.1) участник отказывается от сделки по выходу из общества, поскольку для него стало очевидным нежелание общества исполнить встречное обязательство — выплатить действительную стоимость доли (п. 2 ст. 328 ГК РФ, п. 57 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54). Известно, что положения об обязательствах можно применять к корпоративным отношениям в силу п. 3 ст. 307.1 ГК РФ.

Из разъяснений высших судов, указанных в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”», следует, что даже при совершении участниками сделки по выходу из состава общества данные обстоятельства не препятствуют ее обжалованию по правилам о недействительности сделки, в том числе по мотивам подачи заявления под влиянием насилия, угрозы либо в момент, когда участник общества находился в таком состоянии, что не был способен понимать значение своих действий или руководить ими.

При использовании данной модели управления корпорацией (технический выход из общества) необходимо учитывать законодательные ограничения. Так, не допускается выход из состава участников, в результате которого в обществе не остается ни одного участника, а также выход единственного участника общества из общества (п. 2 ст. 26 Закона об ООО). Вместе с тем данный запрет легко преодолевается путем введения в состав общества второго участника (например, офшорной иностранной компании накануне ее исключения из реестра компаний в стране — месте регистрации).

Таким образом, предполагается, что за период отсутствия в составе общества мажоритарного участника (реального бенефициара в случае технического вхождения в общество второго участника) к нему не могут быть применены юридические санкции за деятельность корпорации, в том числе предъявлены ко взысканию корпоративные убытки или убытки в порядке субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве.

До совершения выхода участник может даже назначить управляющую компанию, осуществляющую функцию исполнительного органа корпорации (например, иностранную компанию на Кипре, Британских Виргинских островах или Сейшельских Островах), что позволяет совершить от имени общества ряд сделок, в том числе нарушающих имущественные права и законные интересы кредиторов корпорации и остальных участников общества (если в составе участников общества имеются иные лица).

Арбитражным судам необходимо внимательно изучать поведение участника, как предшествующее совершению, так и в момент совершения сделки по выходу участника. В каждом конкретном случае нужно индивидуально применять положения ГК РФ (п. 3 и 5 ст. 166) о том, что сторона, чье поведение свидетельствует

о признании совершенной сделки, не вправе ее оспаривать в силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 (п. 1).

2.1.2. Управление корпорацией при исключении участника

Реформа корпоративного законодательства дополнила ГК РФ (в ред. Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ) положением о правах участников хозяйственных обществ, в том числе о праве требования исключения другого участника из товарищества или общества (кроме публичных акционерных обществ), причиняющего своими действиями (бездействием) существенный вред корпорации либо иным образом существенно затрудняющего его деятельность и достижение целей, ради которых она создавалась, в том числе грубо нарушающего свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами (п. 1 ст. 67).

Исключение участника из состава хозяйственного общества возможно только в судебном порядке. Исторически данный вид корпоративной ответственности в виде исключения участника из общества впервые был закреплен в Законе об ООО (ст. 10) в 1998 г.; его содержание отличается от действующей редакции положения ГК РФ (ст. 67). Так, в п. 1 ст. 67 ГК РФ указаны два основания исключения, когда участник:

- причинил существенный вред корпорации;
- иным образом существенно затрудняет деятельность корпорации и достижение целей, ради которых она создавалась.

Данные положения ГК РФ полностью повторил Верховный Суд РФ в п. 35 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25, также указав, что к рассматриваемым действиям (бездействию) относятся грубые нарушения своих обязанностей, предусмотренных законом и учредительными документами.

Положение ст. 10 Закона об ООО демонстрирует иной подход, близкий по сути, но отличный по предмету доказывания и основаниям исключения, к которым относятся:

- грубое нарушение своих обязанностей;
- действия (бездействие), препятствующие деятельности общества или существенно ее затрудняющие.

Арбитражные суды при рассмотрении данной категории дел нередко применяют Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью, утв. Информационным письмом Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.05.2012 № 151, в котором приведены характерные примеры судебной практики, позволяющие оценить фактические обстоятельства дела и принять решение об исключении участника из общества либо об отказе в иске. В силу п. 11 данного Обзора исключение из общества с ограниченной ответственностью участника, обладающего долей в размере более 50% уставного капитала общества, возможно только в том случае, если участники общества в соответствии с его уставом не имеют права свободного выхода из общества (ст. 26 Закона об ООО).

На практике встречаются случаи, когда, предварительно подготовив почву (основания для исключения), контролируемые участники (даже миноритарные) коммерческой корпорации в судебном порядке заявляют требования об исключении

другого участника общества. Затем подобные действия могут также совершаться в отношении других участников, в результате чего остается единственный миноритарный участник либо контролируемый бенефициаром участник (например, компания-нерезидент, зарегистрированная на территории Британских Виргинских островов, Белиза или Панамы). Зачастую ответчики (исключаемые участники) не являются в суд и не представляют отзыв на иск, т. е. не заявляют возражения против их исключения из общества, а иногда даже признают иск. В тексте иска указывается, что ответчик (участник) не участвует в корпоративных процедурах по одобрению сделок, назначению директора и т. д. Это также создает преюдицию или устанавливает факт отсутствия юридической причинно-следственной связи исключаемого участника с результатами предпринимательской деятельности корпорации. До рассмотрения иска об исключении из состава общества мажоритарии назначают контролируемого директора.

В рассматриваемом случае государственными органам и третьим лицам (кредиторам) также достаточно сложно сразу и однозначно сделать вывод, что данные действия направлены на использование модели обезличенного управления корпорацией с целью снижения риска привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам общества в случае банкротства последнего.

Правда, срок применения данной модели управления ограничен, поскольку в силу п. 2 ст. 24 Закона об ООО в течение одного года со дня перехода доли или части доли в уставном капитале общества к обществу они должны быть по решению общего собрания участников общества распределены между всеми участниками общества пропорционально их долям в уставном капитале общества или предложены для приобретения всем либо некоторым участникам общества и/или, если это не запрещено уставом общества, третьим лицам. В ином случае не распределенные или не проданные доля или часть доли в уставном капитале общества должны быть погашены и размер уставного капитала общества должен быть уменьшен на величину номинальной стоимости этой доли или этой части доли (п. 5 ст. 24 Закона об ООО, п. 1.5 Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2017), утв. Письмом Федеральной налоговой службы (ФНС) России от 06.07.2017 № ГД-4-14/13154@).

Таким образом, срок технического исключения из общества не может превышать одного года, в течение которого необходимо включить в состав участников либо прежнего, либо нового контролируемого участника общества.

2.1.3. Управление корпорацией после приобретения ею собственных акций

Правовое регулирование приобретения обществом размещенных акций подробно исследовано в работах Д. Г. Копылова, рассматривающего данное понятие в широком значении, как охватывающее все способы приобретения обществом собственных акций — общегражданские и специальные (корпоративные). По его мнению, в зависимости от волеизъявления акционера корпоративные способы приобретения обществом размещенных акций разделяются на две группы:

- при наличии воли (приобретение обществом размещенных акций; приобретение непубличным обществом собственных акций в результате реали-

зации им преимущественного права приобретения акций, отчуждаемых по возмездным сделкам его акционерами в пользу третьих лиц; выкуп акций обществом по требованию их владельцев; переход акций к обществу при реорганизации в форме присоединения);

- при отсутствии воли (переход права собственности на акции в случае неисполнения учредителем акционерного общества обязанности по оплате акций; переход права собственности на акции в случае исключения акционера² из непубличного общества) (Копылов 2019, 11–12).

В рассматриваемой модели управления корпорациями возникает вопрос о том, кто реально управляет компанией после выкупа обществом соответствующего пакета размещенных акций, поскольку данные акции зачисляются на казначейский счет общества и не учитываются при подсчете голосов (п. 3 ст. 72 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Кроме того, указанные акции должны быть реализованы по цене не ниже их рыночной стоимости не позднее одного года с даты их приобретения (в противном случае общее собрание акционеров должно принять решение об уменьшении уставного капитала общества путем погашения указанных акций), а следовательно, в указанный период вышедшему акционеру следует перевести существующую прежнюю систему распределения корпоративного контроля на себя лично либо на иное контролируемое лицо.

Ситуация похожа на предыдущие виды модели управления, когда в преддверии выкупа обществом приобретенных им акций назначается лояльный менеджер, совершающий соответствующие хозяйственные операции.

2.1.4. Управление корпорацией залогодержателем корпоративных прав

В результате поправок, внесенных Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ, в ГК РФ закреплена возможность реализации корпоративных прав залогодержателями — управление коммерческой корпорацией третьими лицами (банком, иным кредитором и любыми иным лицом).

Положения ст. 358.15 ГК РФ регулируют вопросы залога прав участников исключительно в отношении двух организационно-правовых форм коммерческой корпорации — акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью. Если иное не предусмотрено договором, при залоге прав участника общества с ограниченной ответственностью предполагается, что удостоверенные данной долей права осуществляет залогодержатель, а при залоге акций — залогодатель (член корпорации). Следовательно, в случае залога акций в договоре необходимо прямо указывать на то, что корпоративные права осуществляет непосредственно залогодержатель.

Таким образом, в договоре залога прав участников хозяйственных обществ можно предусмотреть, что все удостоверенные корпоративные права осуществляет залогодержатель — третье лицо, который формально приобретает контроль над корпорацией, но одновременно может быть подконтрольным участнику ли-

² В настоящей статье исключение акционера рассматривается как самостоятельное основание построения модели обезличенного управления корпорацией.

цом. В ряде случаев залогодержателем могут выступать другие члены корпорации, но в рассматриваемой модели обезличенного управления корпорацией обычно привлекают третьих лиц, не аффилированных с корпорацией. В ином случае указанные лица неминуемо привлекаются солидарно к корпоративной ответственности либо к субсидиарной ответственности в процессе банкротства.

В законодательстве содержатся требования к форме договора залога и ограничения на его заключение. Так, согласно п. 1 ст. 22 Закона об ООО, передача третьему лицу в залог доли допускается в случае закрепления такой возможности в уставе и с согласия участников общества, а сама сделка совершается в нотариальной форме (п. 19 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.03.2010 № 135 «О некоторых вопросах, связанных с применением ст. 5 Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую ГК РФ и отдельные законодательные акты РФ»»). Несоблюдение нотариальной формы указанной сделки влечет за собой ее недействительность.

Залог доли или части доли в уставном капитале общества подлежит государственной регистрации в установленном законодательством порядке и возникает с момента такой государственной регистрации (п. 2 ст. 22 Закона об ООО).

Срок существования данной модели управления может быть продолжительным, но, разумеется, с формально-логической привязкой его к обеспечиваемому основному обязательству (например, займу или кредиту).

2.1.5. Управление корпорацией с исключенным из ЕГРЮЛ единственным участником

В корпоративной практике нередко создают корпорацию как компанию одного лица (с единственным участником, совмещающим полномочия единоличного исполнительного органа). В юридической корпоративной доктрине встречаются небеспочвенные сомнения относительно возможности признания компании одного лица полноценной корпоративной организацией (Синицын 2020). Вместе с тем корпоративное законодательство и практика свидетельствуют о сохранении за соответствующими организационно-правовыми формами (в том числе хозяйственными обществами) статуса корпорации.

В 2005 г. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — Закон о государственной регистрации) был дополнен ст. 21.1, допускающей исключение из ЕГРЮЛ недействующего юридического лица (фактически прекратившего свою деятельность), которое в течение последних 12 месяцев, предшествующих моменту принятия регистрирующим органом соответствующего решения, не представляло предусмотренную законодательством отчетность о налогах и сборах и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету.

Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ ГК РФ был дополнен ст. 64.2, положения которой продублировали Закон о государственной регистрации, а именно правовые последствия для недействующего юридического лица (фактически прекратившего свою деятельность) — исключение его из ЕГРЮЛ.

На практике в качестве единственного участника коммерческой корпорации в ЕГРЮЛ может указываться юридическое лицо, в котором формально назначен-

ный менеджмент (генеральный директор) умышленно не сдает отчетность и не совершаются операции по банковским счетам (зачастую даже не открывается расчетный счет в банке).

Таким образом, указанный в ЕГРЮЛ либо в реестре акционеров участник (акционер) коммерческой корпорации по факту отсутствует и спустя некоторое время утрачивает правоспособность (ст. 53 и 64.2 ГК РФ). Через некоторое время «несуществующего» члена корпорации можно заменить действующим субъектом права, возвратив корпоративный контроль в заранее запланированную структуру.

2.1.6. Управление корпорацией, в составе которой имеются участники с записью о недостоверности сведений о них

С 2015 г, в качестве действенного механизма разрешения корпоративных конфликтов по инициативе ФНС России законодательно закреплена возможность внесения записи о недостоверности в ЕГРЮЛ сведений об адресе юридического лица, о его участниках и об исполнительном органе (Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ). Так, в силу Закона о государственной регистрации (п. 6 ст. 11) налоговый орган в случае установления недостоверности указанных сведений направляет его учредителям (участникам) и лицу, имеющему право действовать без доверенности от имени указанного юридического лица (в том числе по адресу электронной почты указанного юридического лица при наличии таких сведений в едином государственном реестре юридических лиц), уведомление о необходимости представления в регистрирующий орган достоверных сведений. После этого обществу дается 30-дневный срок на сообщение в налоговый орган достоверных сведений. При неисполнении данной обязанности налоговый орган вносит в ЕГРЮЛ сведения о недостоверности соответствующих сведений.

Примечательно, что при наличии у юридических лиц в ЕГРЮЛ сведений, в отношении которых внесена запись об их недостоверности, в течение более чем шести месяцев с момента внесения такой записи, налоговый орган вправе исключить корпорацию из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо (п. 5 ст. 21.1 Закона о государственной регистрации).

В сфере корпоративного управления заслуживает внимания ситуация, когда в ЕГРЮЛ вносится запись о недостоверности сведений об участниках коммерческой корпорации, в результате которой для третьих лиц, в том числе для суда, информация об участнике не может быть принята во внимание вследствие недостоверности, а новый участник, претендующий на указанную в ЕГРЮЛ долю в уставном капитале, не заявляется либо вовсе отсутствует.

Посредством внесения в ЕГРЮЛ сведений о недостоверности модель управления корпорацией возможно выстроить таким образом, что в отношении мажоритарных или даже всех участников будут внесены сведения о недостоверности. Правовым обоснованием недостоверности могут выступать самые разные обстоятельства (например, якобы совершен, но не зарегистрирован выход из состава участников общества либо участник указан по ошибке в отсутствие реального приобретения им доли в уставном капитале).

Приведенные распространенные варианты модели обезличенного управления коммерческими корпорациями нередко комбинируются либо используются иные (открытый перечень).

2.2. Обнаружение модели обезличенного управления корпорацией

Рассмотренные выше вариации модели обезличенного управления корпорацией свидетельствуют о возможности создания ситуации, при которой корпоративное управление «выпадает из рук» мажоритарного участника либо иного реального конечного владельца корпорации и производственно-хозяйственная деятельность осуществляется текущим менеджментом в отсутствие руководящих указаний со стороны членов корпорации.

В данном случае, при оценке модели корпоративного управления, представляется возможным использовать термин «бенефициар коммерческой корпорации» даже при отсутствии какой-либо формально закрепленной связи с корпорацией. Так, в ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» раскрывается понятие «бенефициарный владелец» — физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 % в капитале) клиентом — юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента.

В Уголовном кодексе РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ как особый вид преступления в сфере экономики закреплена уголовная ответственность за следующие действия:

- представление в налоговый орган или регистратору документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в ЕГРЮЛ, в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учета недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества, о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг, об обременении ценной бумаги или доли, о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования, о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, либо в иных целях, направленных на приобретение права на чужое имущество (ст. 170¹);
- образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц³, а также представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах (ст. 173¹),
- представление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности, если эти действия совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице (ст. 173²).

³ Под *подставными* понимаются лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица и путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в Единый государственный реестр юридических лиц, а также лица, являющиеся органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом.

Таким образом, между уголовными деяниями по образованию корпорации «через подставных лиц» либо представление «недостоверных данных» и действиями по построению модели обезличенного управления корпорацией есть тонкая юридическая грань. Различие заключается лишь в том, что модель обезличенного управления корпорацией изначально подразумевает желание создать контролируемое управление корпорацией с целью сокрытия юридической связи корпорации с собственником бизнеса (бенефициаром) и исключения риска привлечения его к юридической ответственности, в то время как образование компании через подставных лиц посягает на публично-правовой, в том числе регистрационный, режим, обеспечивающий публичную достоверность сведений ЕГРЮЛ или реестра акционеров. Иными словами, уголовное преследование осуществляется за нарушения экономического правопорядка. Вместе с тем построение модели обезличенного управления корпорацией не исключает впоследствии привлечения лиц, создавших такое управление, одновременно к нескольким видам юридической ответственности (например, к уголовной и имущественной).

Примечательно, что согласно ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ бенефициаром юридического лица (корпорации) признается только физическое лицо, т.е. даже если бенефициарное владение коммерческой корпорацией установлено через дочерние (либо «внучатые») компании, конечным собственником коммерческой корпорации выступает конкретное физическое лицо — бизнесмен, коммерсант.

Разумеется, предложенное толкование рассматриваемой модели управления корпорацией, основанное на экономических аспектах фактического управления и текущей производственной деятельности корпорации, с позиции отечественной доктрины в области корпоративного права может стать поводом для дискуссии. Наблюдается тенденция к окончательному разрушению конструкции ограниченной ответственности членов корпорации. Вместе с тем экономические свободы граждан — способность участвовать в гражданском обороте своей волей и в своем интересе — могут быть ограничены положением о недопущении данной «свободой» нарушать права и законные интересы других лиц (п. 2 ст. 1 ГК РФ). В рассматриваемом случае следует применять универсальное правило о запрете злоупотребления правом в силу ст. 10 ГК РФ и его толкование Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 (п. 1).

Для привлечения обязанных лиц к юридической ответственности за негативные последствия, связанные с деятельностью коммерческой корпорации в случае применения модели обезличенного управления, можно использовать традиционные (судебный порядок) и инновационные (искусственный интеллект) инструменты. Определяющим критерием их отличия служит процедура юридической оценки фактических обстоятельств складывающихся общественных отношений либо алгоритмическое сопоставление юридически значимых фактов — событий и действий.

2.2.1. Судебный порядок и оценка доказательств

Корпоративные споры в коммерческих корпорациях рассматриваются в арбитражном суде по правилам гл. 28.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 21.07.2002 № 95-ФЗ (АПК РФ). Оценка поведения участников корпоративных отношений и доказательств в суде основаны прежде всего на формальной логике. Вер-

ховным Судом РФ также выработан подход об активной роли суда в определении того, какие именно нормы права следует применять к установленным обстоятельствам (абз. 3 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). Кроме того, никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (ч. 5 ст. 71 АПК РФ).

При оценке поведения участников корпоративных отношений необходимо вспомнить некоторые подходы, отраженные в судебной практике, позволяющие судам отступать от формальной оценки обстоятельств дела. При этом суд может прийти к выводу об использовании в конкретном случае модели обезличенного управления коммерческими корпорациями либо о наличии ее элементов.

Так, согласно абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

В силу п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» при установлении судом выгодоприобретателя как заинтересованного лица в сделке необходимо исходить из того, что выгодоприобретателем в сделке признается не являющееся стороной в сделке лицо, которое в результате ее совершения может быть освобождено от обязанностей перед обществом или третьим лицом, либо получает права по данной сделке (выгодоприобретатель доверительного управления имуществом или бенефициар по банковской гарантии и др.), либо иным образом извлекает имущественную выгоду, например получив статус участника опционной программы общества и т. д.

Данные разъяснения позволяют суду определить выгодоприобретателем любое лицо, которое в конечном счете получает имущественную либо иную выгоду, в том числе благодаря использованию модели обезличенного управления корпорацией.

2.2.2. Искусственный интеллект и обработка больших данных

Обнаружению модели обезличенного управления коммерческой корпорацией может способствовать использование искусственного интеллекта, в частности подключенного к различным информационным базам, большим данным (big data), а также социальным медиа — социальным сетям (Facebook⁴ и связанный с ним Facebook* Messenger, Google+, MySpace, Instagram*, LinkedIn, Pinterest, Tumblr, Twitter, Viber, VK, WeChat, Weibo, WhatsApp, Fandom, YouTube и др.).

Последние несколько лет в СМИ обнародуют заявления ФНС России о начале использования искусственного интеллекта для работы с физическими лицами в их

⁴ Компания Meta признана экстремистской организацией в РФ.

личном кабинете и администрированием системы сбора налогов (Мишустин 2017). Так, виртуальный робот «Таксик» с искусственным интеллектом (самообучаемый бот-чат) уже помогает отвечать на обращения налогоплательщиков в их личном кабинете.

Важнейшее направление деятельности искусственного интеллекта — это идентификация налогоплательщика (цифровая идентичность) и обработка больших данных. Автоматизированная система контроля порядка возмещения НДС (АСК НДС-2) в паре с технологиями блокчейн смогли бы контролировать взаимосвязи субъектов права с объектами недвижимости. Данная система (программа обработки данных) соотносит сведения книг покупок и продаж контрагентов по сделке в режиме реального времени и позволяет вычислить махинации с налоговыми вычетами.

Использование искусственного интеллекта, способного обработать большие данные, позволяет идентифицировать субъекта права и проанализировать причинно-следственную связь в юридических корпоративных событиях с целью выявления и анализа организационной структуры соответствующей модели управления корпорацией. Определению поведения участников корпоративных отношений будет способствовать оценка следующих обстоятельств:

- продолжительности участия в корпорациях (владения акциями, долями в уставном капитале);
- порядка совершения юридически значимых действий (выхода, исключения из общества, оплаты действительной стоимости доли и др.);
- хронологии назначения (переназначения) исполнительного органа;
- сведений интернет-сервиса налогового органа «Прозрачный бизнес»⁵ (в том числе публикаций в «Вестнике государственной регистрации» о существенных фактах, о наличии недостоверных сведений об органах управления организаций, о многократном участии органов управления организаций в других компаниях, об адресах, указанных при государственной регистрации в качестве места нахождения несколькими юридическими лицами);
- данных налогового сервиса «Сведения о юридических лицах (самой корпорации и о ее участниках/акционерах), не представляющих налоговую отчетность более года и/или имеющих по состоянию на 01.09.2019 превышающую 1000 руб. задолженность по уплате налогов, которая направлялась на взыскание судебному приставу-исполнителю»⁶;
- данных налогового сервиса «Сведения о лицах, в отношении которых факт невозможности участия (осуществления руководства) в организации установлен (подтвержден) в судебном порядке»⁷ и т. д.

⁵ «Прозрачный бизнес». Федеральная налоговая служба России. Дата обращения 5 октября, 2020. <https://pb.nalog.ru/about.html>.

⁶ «Сведения о юридических лицах, имеющих задолженность по уплате налогов и/или не представляющих налоговую отчетность более года». Федеральная налоговая служба России. Дата обращения 5 октября, 2020. <https://service.nalog.ru/zd.do>.

⁷ «Сведения о лицах, в отношении которых факт невозможности участия (осуществления руководства) в организации установлен (подтвержден) в судебном порядке». Федеральная налоговая служба России. Дата обращения 5 октября, 2020. <https://service.nalog.ru/svl.do>

Иными словами, искусственный интеллект может оценить все действия участников корпоративных отношений, устанавливая экономически и юридически подозрительные, непоследовательные или отклоняющиеся от сложившейся деловой практики действия и иные существенные моменты.

Реализация данного предложения возможна при подключении искусственного интеллекта не только к базам данных ФНС России, Росреестра, Банка России и ФАС России, но и к корпоративным реестрам (регистраторов, депозитариев), базам данных фондовых бирж, официальным сайтам публичного раскрытия информации об эмитентах (например, Интерфакс⁸) и т. д. Вместе с тем для реализации предложенного требуются соответствующее нормативное правомочие и технологический доступ искусственного интеллекта по телекоммуникационным каналам связи к анализируемым сведениям и данным.

В последние годы не беспечно приобретает популярность информационно-юридическое направление бизнеса legal tech, обеспечивающее безопасное хранение юридической информации (облачные системы), бэк-офис по кадровым, бухгалтерским и иным внутренним делам компании, автоматизированное выполнение повторяющихся задач, анализ юридически важных событий и т. д. Применяемые цифровые технологии иногда именуется «юридический секретарь», «умный юрист» и «юрист будущего» (Кондрашов и др. 2017). Известными мировыми юридическими сервисами выступают Bloomberg Law (США), Clio (Канада), Practical Law (Великобритания) и др.

3. Выводы

Проведенное исследование элементов и видов модели обезличенного управления коммерческими корпорациями позволяет выделить ее следующие особенности:

- временный характер использования модели (как правило, от одного года до трех лет либо на период совершения и исполнения сделки);
- формирование контролируемого бенефициарами лояльного менеджмента (исполнительного органа либо управляющей компании, реализующих правосубъектность корпорации) перед применением данной модели управления;
- сохранение возможности возврата юридического контроля над корпорацией при необходимости;
- цель использования модели — создание юридической видимости обезличенного управления корпорацией, препятствующей привлечению реального владельца к ответственности в установленном законом порядке.

Библиография

Губин, Евгений П. 2018. «Правовые аспекты повышения качества корпоративного управления в компаниях с государственным участием». *Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес»* 2: 35–40.

⁸ «Центр раскрытия корпоративной информации». *Интерфакс*. Дата обращения 5 октября, 2020. <https://www.e-disclosure.ru>.

- Ефимов, Анатолий В. 2019. «Стейкхолдерская концепция управления юридическим лицом». *Актуальные проблемы российского права* 5: 129–136.
- Коваленко, Екатерина И. 2015. «К вопросу о понятии “модель корпоративного управления”». *Гражданское право* 4: 12–14.
- Кондрашов, Игорь В., Антон А. Иванов, Хольгер Цшайге, Антон А. Пронин, Антон Г. Серго, Томас Гаштайер, Антон М. Вашкевич, Роман В. Квитко, Александра К. Нестеренко, Александр И. Савельев, Сергей А. Переверзев, Виталий О. Калятин, Сергей Л. Будылин. 2017. «Legal Tech и юристы будущего». *Закон* 11: 20–36.
- Копылов, Дмитрий Г. 2019. «Правовое регулирование приобретения обществом размещенных акций». Дис. ... канд. юрид. наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
- Лаптев, Василий А. 2019. *Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем*. М.: Проспект.
- Мишустин, Михаил В. 2017. *Об искусственном интеллекте в налоговом администрировании и налоговиках будущего*. Дата обращения 5 ноября, 2019. https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/7084090.
- Синицын, Сергей А. 2020. Особенности структуры собственности и корпоративного управления в компании одного лица. *Журнал российского права* 7: 40–51.
- Харитоновна, Юлия С. 2014. «Корпоративное управление и дуализм права». *Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес»* 2: 54–59.
- Харитоновна, Юлия С. 2015. «Корпоративное управление в производственном кооперативе». *Гражданское право* 4: 15–20.
- Шиткина, Ирина С. 2008. *Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление*. М.: Волтерс Клувер.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2020 г.;
рекомендована к печати 15 марта 2022 г.

Контактная информация:

Василий Андреевич Лаптев — д-р юрид. наук, доц.; laptev.va@gmail.com

Models of impersonal management of commercial corporations: Legal aspects*

V. A. Laptev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993, Russian Federation
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10, ul. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation

For citation: Laptev, Vasily A. 2022. “Models of impersonal management of commercial corporations: Legal aspects”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 378–395.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.206> (In Russian)

Traditional management models of commercial corporations involve the distribution of authorized capital among specific members of the corporation. This state of affairs makes it possible to establish a system of corporate control, the scope of the rights of each member of the corporation, and also to consider commercial corporations as a whole as an association of capital and (or) an association of persons. This article explores models of corporate governance in which a member of the corporation is not formally known or is completely absent. This study is not limited to the legal assessment of beneficial ownership of a corporation. A legal assess-

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project No. 18-29-16079 “E-economy: Conceptual bases of legal regulation of business in Russia”.

ment is given of possible models of corporate governance that do not allow, both legally and actually, to truly establish the owner of the business. The bases for classification of models of impersonal management of a corporation are highlighted. Modern domestic corporate and judicial practice on the issue of using the model of “impersonal” management of a corporation is given. The possibility of identifying the deliberate use of the considered management model in the formation of the supreme body of the corporation, as well as the abuse of corporate rights in relation to the rights and legitimate interests of other members of the corporation and third parties (for example, creditors or government bodies) is being studied. The variability of the model of impersonal management of commercial corporations is revealed; the legal consequences of the application of this management model are determined; Ways of solving the issue of bringing liable persons to responsibility are proposed. Mechanisms for detecting the impersonal management of a corporation are proposed, including through the use of digital technologies. Criteria that determine the unfair use of this management model are analyzed. In the study, new approaches have been formed to identify the model of impersonal management of corporations by the courts and prevent their use.

Keywords: corporate management, models of corporate management, models of impersonal management, beneficial owner, business owner, corporate responsibility, artificial intelligence, lawyers of the future.

References

- Gubin, Evgenii P. 2018. “Legal aspects of improving the quality of corporate governance in companies with state participation”. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie “Pravo i biznes”* 2: 35–40. (In Russian)
- Efimov, Anatolii V. 2019. “Stekholder concept of legal entity management”. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* 5: 129–136. (In Russian)
- Kharitonova, Iuliia S. 2014. “Corporate governance and dualism of law”. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie “Pravo i Biznes”* 2: 54–59. (In Russian)
- Kharitonova, Iuliia S. 2015. “Corporate governance in production cooperative”. *Grazhdanskoe pravo* 4: 15–20. (In Russian)
- Kondrashov, Igor' V., Anton A. Ivanov, Holger Zscheyge, Anton A. Pronin, Anton G. Sergo, Thomas Gasteyer, Anton M. Vashkevich, Roman V. Kvitko, Aleksandra K. Nesterenko, Aleksandr I. Savel'yev, Sergey A. Pereverzev, Vitaliy O. Kalyatin, Sergey L. Budylin. 2017. “LegalTech and lawyers of the future”. *Zakon* 11: 20–36. (In Russian)
- Kopylov, Dmitrii G. 2019. “Legal regulation of acquisition of offered shares by the company”. PhD diss., Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova. (In Russian)
- Kovalenko, Ekaterina I. 2015. “To the question of the concept of ‘corporate governance model’”. *Grazhdanskoe pravo* 4: 12–14. (In Russian)
- Laptev, Vasilii A. 2019. *Corporate law: Legal organization of corporate systems*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Mishustin, Mikhail V. 2017. *On artificial intelligence in tax administration and tax officials of the future*. Accessed November 5, 2019. https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/7084090. (In Russian)
- Sinitsyn, Sergey A. 2020. Features of the ownership structure and corporate governance in a one-person company. *Zhurnal rossiiskogo prava* 7: 40–51. (In Russian)
- Shitkina, Irina S. 2008. *Holdings: Legal regulation and corporate governance*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (In Russian)

Received: October 12, 2020

Accepted: March 15, 2022

Author's information:

Vasilii A. Laptev — Dr. Sci. in Law, Associate Professor; laptev.va@gmail.com